Д. Г. КОЛМАКОВ

СОТРУДНИЧЕСТВО СССР И ГЕРМАНИИ ПРИ РАЗРАБОТКЕ БРОНЕТАНКОВОЙ ТЕХНИКИ
(по материалам советских архивов)

После подписания Рапалльского договора в 1922 г. Германия стала единственной страной, установившей с Советской Россией весьма тесные контакты в различных областях, в том числе и в военной сфере. За последние годы, правда, в периодической печати появились публикации на эту тему [1], приоткрывающие завесу секретности над тем, что тщательно скрывалось целые десятилетия. Предлагаемая статья имеет целью не дать «захиреть» достойному начинанию, продолжить его.

По данным западных историков, первые беседы о советско-германском военном сотрудничестве состоялись еще в 1919 г. (по другим данным в 1920 г.) в рамках комиссии по репатриации военнопленных. В переговорах участвовали Карл Радек и Энвер-Бей, бывший военный министр Турции, находившийся в то время в Москве. После ряда бесед 11 августа 1922 г. между рейхсвером и Рабоче-Крестьянской Красной Армией было заключено временное соглашение о сотрудничестве [2, с. 24]. По нему рейхсвер получил право создавать на советской территории военные объекты для проведения испытаний техники, накопления тактического опыта и обучения личного состава тех родов войск, которые Германии запрещалось иметь согласно п. 170 Версальского мирного договора. Советская сторона ежегодно получала материальное возмещение за использование этих объектов, а также участвовала в дальнейшей реализации результатов испытаний и разработок, проводимых на советской территории.

23—30 марта 1926 г. состоялись переговоры советской военной делегации во главе с И. С. Уншлихтом и руководства рейхсвера, на которых советской стороной было принято предложение немцев об организации совместной танковой школы, но предложение советской стороны о развертывании в России моторостроения и танкового производства на совместных началах с участием германского капитала было отклонено. Немецкая сторона мотивировала отказ следующим образом: нет средств, нет новейшего образца и нет реальной возможности осуществить необходимое. Кроме того, германская сторона заявила, что «обеспечена моторами и переносить в Россию данное производство нет смысла» [3, л. 107—111].

Танковая школа рейсхвера была создана под Казанью примерно в 1928 г. [2, с. 25]. Ее намечали создать раньше, но главным образом из-за нехватки танков открытие ее было отложено: в то время СССР еще не располагал значительными мощностями для их производства. В Германии фирмами «Крупп» и «Рейнметалл» было тайно изготовлено по 3 легких танка примерно 9,5 т, с 37-мм пушкой. Отправляя в Казань, их именовали «легкими тракторами». Были поставлены в школу и более тяжелые танки «Grosstractor—I» — фирмы «Даймлер-Бенц», с 75-мм орудием и 3-мя пулеметами, с двигателем 300 л. с. (2 штуки); «Grosstractor—II» — фирмы «Рейнметалл», аналогичный, но с измененной конструкцией подвески и корпуса; «Grosstractor—III» — фирмы «Крупп», подобный предыдущим машинам (2 штуки). Кроме того, для танковой школы были получены танкетки британского производства «Карден-Ллойд Мк VI». Они были переданы рейхсверу в обмен на вспомогательное оборудование для РККА [2, с. 26].

В самой Германии были организованы теоретические курсы (ТЕКО), предназначенные для подготовки офицерского состава будущих бронетанковых войск рейхсвера. Учебные планы курсов предусматривали изучение теоретических дисциплин, посещение заводов и конструкторских бюро фирм «Крупп», «Даймлер», «Рейнметалл», ознакомление с тайно проводимыми в них новыми разработками, посещение Куммерсдорфского полигона [4, л. 89]. Начиная с 1929 г., на этих курсах стали обучаться и советские специалисты: строевые командиры, военные инженеры — выпускники Военно-Технической Академии, сотрудники Управления механизации и моторизации (УММ) РККА: член 1-й секции НТК УММ Браверман, председатель 4-й секции НТК УММ Павловский, некоторые конструкторы (в том числе С. А. Гинзбург) [4, л. 102]. В первые же два года выявилась недостаточная подготовка советских специалистов, в связи с чем к ним стали предъявлять более высокие требования. Например, строевые командиры, окончившие ВТА, направлялись на курсы только после стажировки в танковых и механизированных войсках. Военные инженеры — выпускники ВТА проходили стажировку на заводах в качестве военных представителей или в центральных учреждениях. Как те, так и другие должны были уметь управлять автомобилем, трактором и танком МС—1 [4, л. 110]. Все посылаемые на «ТЕКО» слушатели должны были пройти подготовительный курс по особой программе для ознакомления с проводимой там работой.

Отношения же слушателей из Советского Союза с немцами складывались непросто. За-

ВИЕТ. 1994. № 2. С. 60—64. © Д. Г. Колмаков

меститель начальника УММ РККА Калиновский в докладной записке непосредственному шефу сообщал, что, на его взгляд, необходимо срочно командировать на курсы «крепкого партийца в качестве секретаря партийной организации, иначе возможны большие неприятности. Партбюро мало подготовлено и не знает какую линию ему вести (сложная обстановка)». Слушателям из Советского Союза рекомендовали «держать себя в отношении „друзей" без излишнего панибратства, без перегибов в сторону излишней развязности». В письме Бравермана и Павловского начальнику УММ РККА говорилось, что при первой встрече полковник Лютц сказал, будто в Москве имеется недоверие к тому, что делается на курсах. Внешне все очень вежливы, показывают, однако, не все, что хотелось бы, или, вернее, не все то, что показывают немецким курсантам [4, л. 72—75]. Как наши, так и немецкие слушатели, помимо теоретической проходили и практическую подготовку в упоминавшейся ранее Казанской танковой школе. Немецкие офицеры добирались в СССР через Польшу, с паспортами на подлинное имя, но с указанием вымышленной профессии. Начальником школы был полковник рейхсвера (фамилия пока не установлена), а из Берлина танковую школу курировала «Инспекция № 6» (автомобильная) оборонного управления военного ведомства. Именно в этой школе обучался знаменитый Гудериан [2, с. 27].

Служба немецких конструкторов по контракту для создания боевых машин для РККА была еще одной формой сотрудничества в военной сфере между нашими странами: так, в частности, был создан колесно-гусеничный танк Й. Фольмера. Во время первой мировой войны Й. Фольмер возглавлял в 7-м (транспортном) отделе военного ведомства Германии работу по созданию танков для рейхсвера. После капитуляции страны Фольмер при поддержке заинтересованных кругов основал в г. Ландскроне, в Швеции, фирму «Ландсверк», деятельность которой можно сравнить с айсбергом, надводная часть которого — разработка и выпуск танков для шведской армии, а подводная часть — создание технического задела (различных узлов, элементов конструкции, оригинальных решений многих технических вопросов) для дальнейшего использования уже непосредственно в самой Германии.

Первое знакомство советских представителей с Й. Фольмером произошло в первой половине 1928 г., когда только начинались попытки использования иностранных технических специалистов в военном деле. Фольмер был приглашен по инициативе председателя правления ОАТ Березина. После длительных переговоров 18 декабря 1928 г. с Фольмером и предпринимателем Альберти был заключен договор на разработку машины специального типа [5, л. 12]. Срок разработки, по договору, намечался на 8—10 месяцев.

Проекты Фольмера были дважды забракованы. В результате многократного пересмотра разработка только общего основного проекта, удовлетворявшего предъявляемым требованиям, поглотила весь намеченный договором срок для окончания работ. После принятия проекта были разработаны детальные чертежи, принятые представителями Оружобъединения в мае и в июне 1930 г. Приемка чертежей происходила в Берлине [5, л. 13].

По основному замыслу технических требований, выполненных конструктором, новая колесно-гусеничная машина представляла собой принятый на вооружение РККА полковой танк МС−1, но с двигателем значительно большей мощности (125 л. с.) и с двумя движителями, дающими возможность перемещаться на гусеничном ходу со скоростью 25—30 км/ч, а на колесном ходу — свыше 50 км/ч. Машина имела тождественную с МС−1 башню и с тем же комплексом вооружения на ней. Кроме того, в лобовой части машины монтировалась дополнительная пулеметная установка. Экипаж танка состоял из 3-х человек. Переход с колес на гусеницы и обратно производился механически «от мотора» в течение 30 секунд [5, л. 15]. Для сравнения отметим, что у аналогичного по конструкции чехословацкого танка типа КН-50 фирмы «Шкода» переход с одного двигателя на другой осуществлялся вручную: опытные танкисты справлялись с этой операцией за 10—15 минут. В целом машина получилась сложной по конструкции благодаря наличию двух движителей и значительно шире танка МС−1.

Сотрудники Оружобъединения, пересмотрев с технической и тактической точки зрения окончательный проект, отметили, что танк Фольмера будет на 50% превышать по стоимости МС−1, и пришли к выводу, что не видят «особых перспектив в распространении этого сложного типа». Вместе с тем отмечалось, «что производственную работу следует использовать, и наряду с заграницей, где предпринимаются неоднократные попытки в данной области, надлежит и нам использовать затраченные средства и осуществить опытный образец в двух экземплярах».

После того как проект танка Фольмера был принят, он предложил свой вариант организации изготовления опытных образцов. Фольмер предлагал заключить через фирму «Ландсверк» соглашение с фирмой «Хофнунгс Хютте» в Рейнленде и произвести по ее указанию механизмы, — но без бронекорпуса, — на предприятиях Германии (ранее в качестве моторной фирмы предлагался «Майбах», а для трансмиссий — «Эйслинген»).

Броневой корпус, по мнению Фольмера, могла изготовить и фирма «Ландсверк». Она же должна была произвести и общий монтаж опытных образцов [5, л. 7]. Неизвестно, как бы

Сотрудники КБ завода «Большевик» вместе с немецкими специалистами. В первом ряду: второй слева К. Оттерсбах, рядом с ним П. Ф. Гроте. Во втором ряду: крайний слева Хуфшмит, крайний справа Фельдгаузен. Снимок предоставлен И. В. Бахом

сложилась судьба танка Фольмера, будь он единственной машиной с колесно-гусеничным движителем, разрабатывавшейся для РККА. Но примерно в то же время на Ижорском заводе шла подготовка к началу выпуска опытных образцов танка Дыренкова, аналогичного по конструкции. Поэтому в УММ РККА было принято следующее решение: «Ввиду наличия в опытном строительстве танка типа „Д", подобного танку по проекту Фольмера, от постройки танка Фольмера отказаться». По распоряжению начальника УММ РККА уполномоченному РВС СССР по спецзаказам Дыренкову при этом высылались чертежи для возможного использования [*5*, л. 14].

Немецкий инженер Пауль Гроте работал по контракту в Ленинграде. Он возглавлял группу конструкторов на заводе «Большевик» в конце 20-х — начале 30-х годов. Гроте и его группа работали над решением проблемы управления танком с помощью пневмосервоприводов, разрабатывали модернизированный двигатель для танка МС—1. Они разработали не менее 2-х образцов такого двигателя [6, л. 11]. Венцом творческой деятельности этой группы стал проект боевой машины, вошедшей в историю под названием «танка Гроте». Вместе с Гроте в создании этой машины участвовали конструкторы Хуфшмит и Фельдгаузен. Руководил сборкой опытного образца Карл Оттерсбах. Удлиненный бронекорпус, смещенная к корме башня, высокий гусеничный обвод с экранизированной ходовой частью и мощное вооружение выделяли средний танк Гроте, получивший марку ТГ, среди других боевых машин этого класса. Корпус имел вытянутую вперед скошенную носовую часть с наклонными листами, что уже само по себе отличало эту машину от других танков советского и зарубежного производства. Башня сферической формы, также весьма необычная для того времени, опиралась на высокую подбашенную коробку. На крыше башни располагалась смотровая башенка, в которой использовался стробоскопический эффект. Необычно было размещено и вооружение: 76,2-мм орудие устанавливалось в амбразуре подбашенной коробки и имело ограниченный угол обстрела. Вторая, 37-мм, пушка монтировалась в башне, вращавшейся на 360°. Вертикальный угол наведения пушки позволял ей вести огонь и по воздушным целям. Оригинальным был и гусеничный двигатель танка; цепь не имела пальцев, а треки соединялись торцами с плоскими цепями Галле, которые, в свою очередь, входили в зацепление с ведущими колесами. Для облегчения управления двадцатипятитонной машиной были применены пневмоприводы. Недостатками танка были: ограниченные углы обстрела пушки главного калибра и малая надежность пневмоприводов (см. [7]).

За разработкой танка Гроте внимательно следили на самом высоком уровне. В танковой программе 1930 г. Политбюро ВКП (б) постановило «предложить ОГПУ и НКВМ форсиро-

вать работу по изготовлению и испытанию танка ТГ, считая эту работу важнейшей задачей в области изготовления опытных образцов танков на 1931 год. Для освоения производства изготовить в 1931 году первую серию в количестве 50—75 танков ТГ». В связи с боевым назначением танка Гроте ВСНХ предписывалось подготовить производственные возможности к весне 1932 г. для изготовления 2000 танков этого типа. В соответствии с этим постановлением производственной базой был утвержден ГХПЗ, который поэтому снимал с производства Т–24 и начинал усиленную подготовку по работе над танком ТГ [8, л. 32].

Однако все эти начинания остались на бумаге. Вместо предусмотренных 2000 был выпущен всего один опытный образец.

Еще одной формой сотрудничества было ознакомление советских специалистов с немецкими разработками в данной области, включая техническую документацию и чертежи опытных образцов. Так, в конце 1929 г. в УММ РККА немецкой стороной были переданы:

1) полное описание большого танка фирмы «Даймлер» под обозначением «Д–1»;

2) полное описание большого танка фирмы «Крупп» с полным набором чертежей под обозначением «К и К Анлаген»;

3) полное описание большого танка фирмы «Рейнметалл» под обозначением «4» [4, л. 32].

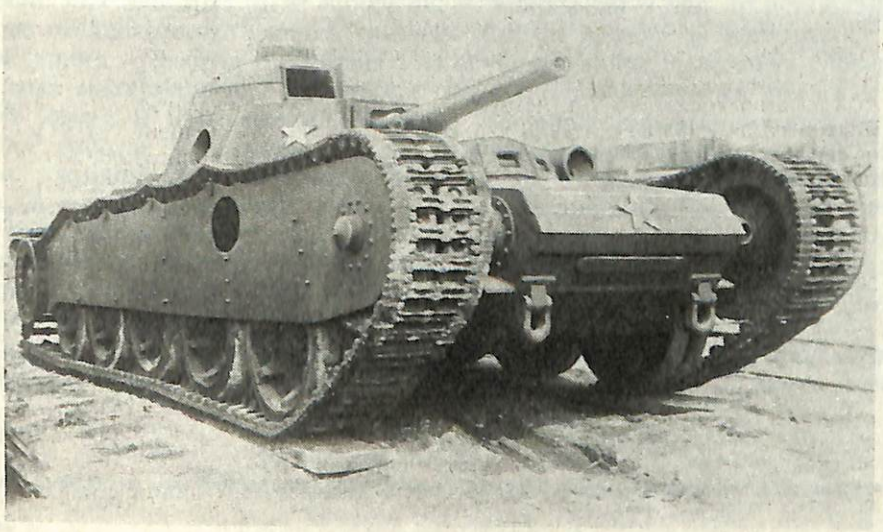
Для проработки полученных чертежей в декабре 1929 г. была сформирована группа инженеров из ряда КБ и оборонных заводов; в частности, от завода «Большевик» в эту группу входил С. А. Гинзбург.

20 января 1930 г. председателю правления ОАТ и директору завода «Большевик» УММ было разрешено снять копии с чертежей для их дальнейшего возможного использования в конструкторской работе. Копирование производилось тайно, об этом знал очень ограниченный круг людей. При копировании необходимо было выполнить ряд условий:

— на копиях не должно было оставаться никаких следов их немецкого происхождения, а также следов снятия копий;

— на каждой копии должна была стоять шифрованная надпись, например, «Трансмиссия мотовоза инженера Казанцева» и т. п. [4, л. 17—19].

Советско-германское сотрудничество осуществлялось и в сфере военной индустрии. Например, концерн Круппа помог наладить в Советском Союзе производство специальных марок стали. Однако отношения между двумя странами, равно как и между военными специалистами, развивались сложно, постепенно росло взаимное отчуждение. Приход Гитлера к власти усугубил ситуацию. Правительство СССР летом 1933 г. сделало первые кардинальные выводы: «Уже летом 1933 года русские сообщили, что намерены прекратить сотрудничество с германским вермахтом. Рухнула одна из возможных опор германо-русских отношений» [9, с. 6]. Тем не менее многие немецкие фирмы продолжали выполнять полученные ранее военные заказы. Например, в Советский Союз был отправлен танк, известный в отечественной литературе как Т–1, поставленный в Германии на серийное производство в 1934 г. Машина была всесторонне изучена нашими специалистами. Отчет Барыкова по исследованию этой боевой машины хранится во ВНИИТрансмаше. Однако политика высшего германского руководства, — и



Танк П. Гроте (ТГ). Снимок предоставлен И. В. Бахом

в первую очередь Гитлера, — была непредсказуемой, что видно на примере выполнения договоров, заключенных нашей страной с чехословацкой фирмой «Шкода». После оккупации Чехословакии вермахтом 22 марта 1939 г. Гитлер издал декрет, подтвердивший действенность старых чехословацких договорных обязательств. Но уже 5 апреля нарком иностранных дел СССР Литвинов дал указание полпреду нашей страны в Германии Мерекалову передать вербальную ноту и соответствующий меморандум с протестом против прекращения договорных поставок в СССР военной продукции завода «Шкода». Хотя ходатайство (последовавшее сразу за оккупацией Чехословакии) о сохранении в силе существующих договоров и было удовлетворено, после подписания директивы к плану «Вайс» (реализация захвата Польши — *Прим. ред.*) поставки вновь прекратились (см.: [10]). Несмотря на политику германского руководства, советские заказы к концу 30-х годов значительно увеличились. К примеру, в 1938 г. военные заказы, размещенные в Германии, по объему уступали лишь аналогичным заказам во Франции. Немецкие же военные специалисты стали допускаться на советские военные заводы. А. А. Епишев вспоминал в связи с этим следующий эпизод, имевший место на танковом заводе № 183. «Как-то на наш завод — было это, если мне не изменяет память, в 1938 г. — прибыла военная делегация из Германии. Возможно, в каких-то инстанциях по этому вопросу и имелась предварительная договоренность. Однако бывший директор завода, не поставив меня, как парторга ЦК, об этом в известность (что обязан был сделать), принял делегацию, провел ее по всем заводским цехам и ознакомил со всем процессом производства танков». 20 августа 1939 г. между СССР и Германией было заключено «Кредитное соглашение» на два года, одним из пунктов которого были военные поставки Германией СССР на сумму 20 млн. германских марок. Ассигнования на другие программы, согласно подписанному соглашению, были куда более скромными. Таким образом, сотрудничество между СССР и Германией в области военной техники продолжалось и после прихода к власти Гитлера, вплоть до начала сороковых годов.

Список литературы

1. Советско-германское сотрудничество в 1920—1933 годах // Международная жизнь. 1990. № 6; Рейхсвер и Красная Армия // Красная звезда, 1990, 24 ноября.
2. *Мишанов С.* По следам «отдела Р» // Советский воин. 1990. № 11.
3. АВП СССР, ф. 0165, оп. 5, п. 123, д. 146.
4. ЦГАСА, ф. 31811, оп. 1, д. 331.
5. ЦГАСА, ф. 31811, оп. 1, д. 319.
6. ЦГАСА, ф. 31811, оп. 1, д. 338.
7. *Вараксин Ю. Н., Бах И. В., Выгодский С. Ю.* Бронетанковая техника СССР. М., 1981.
8. ЦГАСА, ф. 31811, оп. I, д. 140.
9. *Meyer von Achenbach R.* Gedanken über eine Konstruktive deutsche Ostpolitik. Frankfurt a. M., 1986.
10. *Fleischhauer I.* Der Pact. Hitler, Stalin und die Initiative der deutsche Diplomate 1938—1939. Ullstein.

В. А. ВОЛКОВ, М. В. КУЛИКОВА

РОССИЙСКАЯ ПРОФЕССУРА: «ПОД КОЛПАКОМ» У ВЛАСТИ*

В 1990 г. в Институте истории естествознания и техники РАН создана проблемная группа, в задачу которой входит подготовка многотомного биографического словаря «Российская профессура. XVIII — начало XX вв.», включающего всех профессоров Российской империи, получивших это звание до 25 октября (7 ноября) 1917 г.; биографии сгруппированы в тома по основным областям знания — химические, биологические, физико-математические, технические науки, науки о Земле и общественные науки. Цель работы — ликвидировать «белые пятна», неточности и ошибки в освещении жизненного пути, научного творчества, педагогической и общественной деятельности российских профессоров; снабдить каждую биографию сведениями об основных трудах ученого, списком литературы о нем, а также перечнем неопубликованных документов, хранящихся в архивах (личные дела, послужные списки, свидетельства о социальном происхождении, рукописи научных трудов, переписка, фотографии и т. п.); последнее представляется особенно важным — это включение в активный научный оборот нового обширного пласта ценных документальных материалов. По замыслу, в целом словарь должен впервые дать максимально полный и всесторонний портрет этого слоя российской интеллигенции. Такая постановка вопроса вполне оправданна, поскольку до сих пор литература по этой проблематике отличалась неполнотой и фрагментарностью; она представлена универсальными биографическими словарями, включающими, однако, очень небольшое число интересующих нас персоналий, или же очерками об отдельных, наиболее выдающихся деятелях отечественной науки; отрывочные сведения биографического характера можно найти в историко-научных обзорах и в биографических словарях профессоров отдельных университетов (Московского, Санкт-Петербургского, Казанского, Юрьевского и др.), которые, однако, изданы небольшими тиражами и почти все — более 100 лет назад и, следовательно, давно стали библиографической редкостью. В зарубежных биографических словарях (Дж. Гиллиспи, А. Мондадори и др.) представлены лишь отдельные отечественные ученые, главным образом жившие в эмиграции.

Наша задача — собрав и обобщив уже опубликованное, дополнить словарь оригинальными материалами о забытых и ранее вовсе неизвестных деятелях отечественной науки и просвещения. Поэтому основной информационный источник для нашей работы — документальные материалы о деятельности российских профессоров, хранящиеся в многочисленных архивах — центральных, областных, городских, а также в архивах вузов (в дореволюционной России действовали в разные годы 15 университетов, 7 политехнических и технологических институтов, 8 сельскохозяйственных, 9 медицинских, 3 военные академии, а также лицеи и др.). Собранный материал послужит основой для создания электронного банка данных «Российская наука и ее деятели (XVIII — начало XX вв.)» — эмпирической базы для разработки нового в нашей стране научного направления — просопографии (метод коллективной биографии, который может найти и уже на-

* Работа выполнена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований.

ВИЕТ. 1994. № 2. С. 65–75. © В. А. Волков, М. В. Куликова